

УДК 902/904
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163

Ворота сибирских острогов по письменным и археологическим источникам

С. В. Горохов, А. П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обобщаются письменные, графические, археологические и этнографические данные о конструкции в русских острогах в Сибири ворот вне башен, тарас и городен, об их декоративном оформлении, положении в острожных стенах и о взаимодействии с другими конструктивными элементами оборонительных сооружений. Установлено, что ворота являлись наиболее уязвимым местом в обороне, поэтому они строились в системной связи с другими оборонительными сооружениями с целью ограничения свободы маневра противника. При проведении археологических раскопок ворота были выявлены только на двух памятниках – в Умревинском и Сосновском острогах. Авторами определен информационный потенциал данных археологических источников при реконструкции ворот. В этнографических работах содержатся обобщенные описания проездных ворот в гражданских сооружениях г. Тара и в селах Приангарья. На основе имеющихся данных была выполнена реконструкция обобщенного образа проездных ворот русских сибирских острогов. Установлены их ширина и высота. Определено количество створок и направление открывания ворот. Выявлены параметры, конструкция и способ установки опорного столба, поворотного столба и створок. Предложены три варианта реконструкции способа устройства стены над воротами и двух типов часовен над воротами.

Ключевые слова

Сибирь, XVII–XVIII вв., Умревинский острог, Сосновский острог, археология, этнография, история, ворота, часовня

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта РФФИ (проект № 18-09-00150)

Для цитирования

Горохов С. В., Бородовский А. П. Ворота сибирских острогов по письменным и археологическим источникам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 148–163. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163

Gates of Siberian Ostrogs Based on Written and Archaeological Sources

S. V. Gorokhov, A. P. Borodovsky

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. We summarized all written, graphic, archaeological and ethnographic data available on the structure of gates in Siberian ostrogs (fortresses) outside towers, “taras” and “gorodni”, their decoration, location within the ostrog walls and interaction with other structural elements of fortifications.

Results. The gates of Siberian ostrogs were most vulnerable defensive elements in the fortress. Therefore, the driveway openings of the ostrogs were connected with other fortifications of the system in order to limit the enemy's maneuver in the vicinity of the gates. Such fortifications usually include ditches, ramparts, chevaux de frise, additional “tyn” walls and wooden structures. Our study of the topical material revealed a limited source base. Archaeological

© С. В. Горохов, А. П. Бородовский, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography

excavations allowed researchers to describe gates of only two sites – Umrevinsky Ostrog and Sosnovsky Ostrog. The informative value of such archaeological sources for reconstructing the gates is considerable. The gates of the ostrogs failed to survive to this day. Some ethnographic works available contain a summarized description of the driveway openings in the fortress structures of the town of Tara and some other towns of the Angara region.

Conclusion. Based on the data available, we reconstruct a summarized image of driveway openings of the Siberian ostrogs. Their width and height were established. The number of directions for leaving and entering the fortress were also determined. The parameters, structure and installation method for the rod post, rotating post, and leaves were identified. Three options for reconstructing a wall over the gates are offered. Two types of chapels over the gates are reconstructed. Individual features of any particular gates can be reconstructed only based on integrated consideration of a set of written, graphic, and archeological sources.

Keywords

Siberia, 17th – 18th Centuries, Umrevinsky ostrog, Sosnovsky ostrog, archaeology, ethnography, history, gates, chapel

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00150

For citation

Gorokhov S. V., Borodovsky A. P. Gates of Siberian Ostrogs Based on Written and Archaeological Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 148–163. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163

Введение

Ворота сибирских острогов¹ являются важным элементом деревянных оборонительных сооружений с точки зрения тактики ведения боя с осаждающими силами противника. При этом они обладали относительной конструктивной сложностью и образовывали систему с другими примыкающими элементами оборонительных сооружений. В письменных источниках можно встретить упоминания о том, что при осаде сибирских острогов противник концентрировал свои действия именно на воротах. Например, в 1667 г. при штурме Зашиверского зимовья ламуты «начали рубить острожные стены и ворота топорами» [Вилков, 1987. С. 13; Окладников и др., 1977. С. 46; Ополовников, Крадин, 1982. С. 87; Якутия в XVII веке..., 1953. С. 325], а в 1700 г. при осаде Кузнецкого острога «приступали кругом города ко всем воротам» [Кауфман, 2006. С. 38]. Исследователи отмечали, что ворота являлись самым слабым местом в острогах [Самигулов, 2011. С. 62; Султанов, 1907. С. 90]. Именно поэтому в небольших острогах Восточной Сибири были лишь одни въездные ворота [Окладников и др., 1977. С. 85].

Цель работы заключается в разработке обобщенного образа проездных ворот сибирских острогов в тыновых или заплотных стенах. Для достижения поставленной цели в статье решался ряд задач: обобщение имеющихся в распоряжении исследователей письменных, графических, археологических и этнографических данных о конструкции ворот; выявление вариантов положения ворот в острожных стенах; установление вариантов функционального взаимодействия ворот с другими оборонительными вооружениями; определение спектра приемов декоративного оформления проездных ворот. Данное исследование является первым опытом комплексного изучения одного из типов ворот сибирских острогов.

Результаты исследований и обсуждение

Положение проездных ворот в системе оборонительных сооружений могло быть самым разным и определялось как шаблонами проектирования острогов, так и конкретными потребностями, обусловленными ландшафтом и конфигурацией окружающей застройки. В первом случае ворота размещались в середине стены и развитие планировки посада (если такой был) подчинялось этому важному обстоятельству. Во втором случае ворота устраивались сообразно с ландшафтом (выходили на взвозы или к реке) либо в соответствии с уже

¹ В этой статье под острогами мы будем подразумевать как сами остроги, так и города, защищенные посады, слободы и укрепленные зимовья.

сложившейся застройкой при новом строительстве укреплений (после пожара, наводнения) или их ремонте. Например, в 1679 г. в Удинском остроге на двух углах были выведены проездные ворота [Бураева, 2013. С. 29]. В Ляпинской крепости, по данным А. Ф. Палашенкова, одни из ворот также были помещены на углу [Жук, 1995. С. 87]. Ворота вне башен изображены на планах городов из Хорографической книги Сибири².

Повышенная уязвимость острожных ворот обусловлена необходимостью устройства разрыва в земляных оборонительных сооружениях напротив въезда. При этом вал не устраивался вовсе, а ров мог быть, а мог и отсутствовать. Известно, что в Каштакском остроге через ров были переброшены мостки [Каштакский сереброплавильный промысел, 2016. С. 43]. Рвы острогов часто могут быть зафиксированы без проведения раскопок, следовательно, можно зафиксировать и разрывы в линии рвов напротив ворот. И такой случай известен лишь для Саянского острога (1718 г.). Ворота подвергались усилению за счет иных фортификационных сооружений, например размещения напротив въезда с напольной стороны ряда рогаток, как это было сделано в Саянском остроге в 1718 г. и Белоярской крепости в 1730-х гг. [История Сибири..., 1996. С. 24, 25, 62; Миллер, 2003. С. 72; Скобелев, 2018. С. 56] (рис. 1). Уже в середине XIX в. Ф. Ласковский отметил, что «...предки наши, во время приведения города в оборонительное положение, прикрывали мосты и ворота с поля временными оборонительными оградами, но, по совершенному отсутствию фактических доказательств, предположение это не может войти в разряд правил для расположения тогдашних оборонительных оград» [Ласковский, 1858а. С. 132]. Представление о внешнем виде такого рода заграждений можно составить по некоторым публикациям [Ласковский, 1858б. Л. 25. Изобр. 259; Новое в археологии..., 2018. С. 196. Рис. 4.38, 7].

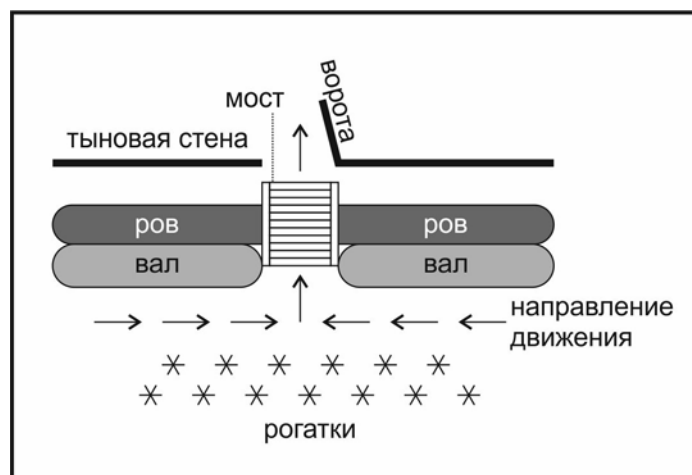

Рис. 1. Схема организации движения через острожные ворота при наличии рогаток перед воротами (без масштаба)

Fig. 1. The organizational chart for movement through the ostrog gates in case there are chevaux de frise in front of them (no scale)

Усиление обороны в районе ворот могло осуществляться за счет принуждения преодолевающего ворота противника к движению в определенном узком коридоре. Например, по данным А. Ф. Палашенкова, после пересечения юго-восточных ворот Ляпинской крепости противник был вынужден на протяжении 5 м двигаться в узком «коридоре» (около 2 м), при этом преодолевая подъем, прежде чем он мог оказаться во дворе крепости. Такая конфигурация входа обеспечивалась тем, что ворота были устроены в самом углу крепости, а с внут-

² Ремезов С. У. Хорографическая книга Сибири. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>

ренной стороны острога располагалась «изба», которая находилась в 2 м от одной стены (здесь был проход) и менее чем в 2 м от другой стены. Ворота, вероятно, были одностворчатые и открывались внутрь крепости. При ширине створки около 2 м они полностью перекрывали движение по более узкому проходу вдоль одной из стен (рис. 2) [Жук, 1995. С. 87]. Такая конфигурация входа позволяла эффективно поражать преодолевшего ворота противника на выходе из «коридора» и в самом «коридоре» из «избы» и с верхней части «избы». В таком «коридоре» легко можно было организовать завал, который полностью исключал бы возможность передвижения.

Рис. 2. Схема организации движения через юго-восточные ворота Ляпинской крепости по А. Ф. Палашенкову (по: [Жук, 1995. С. 87]; без масштаба)

Fig. 2. The organizational chart for movement through the south-eastern gates of the Lyapinskaya Fortress according to A. F. Palashenkov (by: [Zhuk, 1995. P. 87]; no scale)

Нечто подобное было зафиксировано Ю. В. Шириним при раскопках первого Кузнецкого острога (1618–1620 гг.) или более раннего зимовья: ворота располагались в средней части тыновой стены, а на расстоянии около 3 м от нее располагался еще один ряд тынин чуть большей протяженности [Добжанский, Ширин, 2002. С. 231, 232; Кузнецкая старина..., 2018. С. 60, 61, рис. 48]. Чтобы попасть внутрь периметра защищенной территории, нужно было на протяжении нескольких метров двигаться между стен, а затем, повернув, преодолеть ворота. Однако у такой конфигурации оборонительных сооружений есть очевидный недостаток. Приблизившись к внешней стене на 2–3 м, противник попадал в зону, где обороняющиеся не могли его поразить, так как не имели возможности действовать непосредственно из-за внешней стены. Но и сами нападавшие, находясь в этой зоне, не имели возможности осуществлять какие-либо действия против острога, кроме поджога внешней стены³.

Еще одно сооружение, возможно, аналогичного функционального назначения было зафиксировано в Мангазее в ходе раскопок Успенской башни с примыкающими тарасными стенами⁴. Угол, где располагалась башня, был с внутренней стороны продублирован углом тына. Расстояние от северной тыновой стены до параллельной ей тарасной составляло около 1 м, а от восточной тыновой стены до параллельной ей тарасной – около 3 м. Линия тына от угла прослежена в западном направлении на расстоянии 5 м, в южном – 9 м. Руководители раскопок полагают, что внутренний тын закрыл брешь в стене, образовавшуюся после того, как сгорела Успенская башня [Белов и др., 1980. С. 83, 84, 132. Прилож. III, VII]. Возможно, данная конструкция служила для повышения обороноспособности башни при штурме, но не

³ Можно предположить, что между внутренней и внешней стенами были ворота или иные преграды, а вдоль внешней стены располагался помост. В этом случае схема оборонительных действий несколько усложнялась. Рассмотрение этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи.

⁴ Авторы монографии «Мангазее. Мангазейский морской ход» классифицируют стены Мангазеи как «городни», однако их конструкция такова, что в рамках устоявшейся к настоящему времени терминологии укрепления Мангазеи следует классифицировать как «тарасные» [Белов и др., 1980].

со стороны поля, а со стороны двора острога (рис. 3). Такая необходимость могла возникнуть во время вооруженного конфликта между сторонниками двух воевод – Г. И. Кокорева и А. Ф. Палицына. Версию о закрытии брешы после пожара башни следует исключить, так как, по наблюдениям В. Н. Чернецова, аналогичные тыновые конструкции существовали у Зубцовской и Давыдовской башен [Чернецов, 1947. С. 160, 161. Рис. 49], которые к моменту начала раскопок в 1968 г. обвалились в р. Таз.

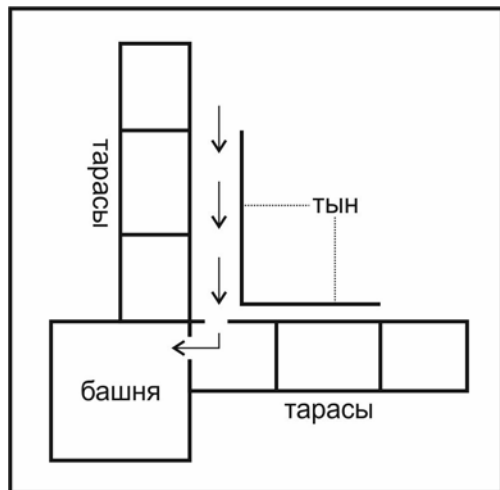

Рис. 3. Схема организации движения при проникновении в башню в Мангазее (без масштаба)

Fig. 3. The organizational chart for movement through the gates in case of penetration into the tower in Mangazeya (no scale)

Рис. 4. Фрагмент тыновой канавки и яма столба-опоры южных проездных ворот Умревинского острога (снято с Ю) (фото А. П. Бородовского)

Fig. 4. A fragment of the "tyn" groove and a hall of the rod post of the southern driveway opening of the Umrevinsky Ostrog (photo by A. P. Borodovsky – is taken from the South)

В ходе раскопок южной тыновой стены Умревинского острога обнаружен разрыв тыновой канавки в средней части стены (рис. 4). Ширина разрыва в точности соответствует одной сажени (2,16 м) [Бородовский, 2016. Рис. 28; 41]. Это один из стандартов ширины ворот, который можно встретить в письменных источниках. Например, из описания 1626 г. томского посадского острога известно, что одни из ворот были шириной в сажень [Из истории земли

Томской..., 1978. С. 28]. А. Ф. Палашенков на месте юго-восточных ворот Ляпинской крепости наблюдал отсутствие тыновой стены на отрезке в 2 м, что также соответствует одной сажени⁵ [Жук, 1995. С. 87]. В западной части разрыва окончание тыновой канавки лишено каких-либо особенностей. В восточной части на границе разрыва тыновой канавки зафиксировано ее расширение размером $0,5 \times 0,5$ м и глубиной от материковой поверхности 0,7 м, выдающееся в напольную сторону. В этом месте был установлен столб-опора верейного столба. Толщина столба-опоры не превышала 0,5 м. Сам он не сохранился даже в виде тлена. На его месте были обнаружены остатки столба диаметром 15 см. Вероятно, столб-опора был удален из ямы и заменен на столб меньших размеров. Это могло произойти, когда столб-опора пришел в негодность, а острог утратил свое военное значение. На новом столбе могла крепиться створка ворот облегченной конструкции. Аналогичная яма от столба-опоры была обнаружена при раскопках Сосновского острога в 1997 г. Конфигурация ямы (около 1 м в диаметре)⁶ и ее положение на конце прервавшейся тыновой канавки идентичны зафиксированным на Умревинском остроге. Отличие состоит лишь в том, что яма столба-опоры Сосновского острога выдается в сторону двора острога [Кимеев, Ширин, 1998. С. 48; Кимеев, 1998. С. 94; Ширин, 1997. С. 22. Рис. 17]⁷. Иных примеров раскопок проездных ворот в тыновой или заплотной стене в сибирских острогах нам не удалось обнаружить.

Конструктивно столб-опора ворот, представленный толстым бревном с выдолбленным внутренним пазом для поворотного столба, с технологической точки зрения очень близок к погребальной колоде. Такие внутримогильные сооружения неоднократно были встречены на юго-западном краю некрополя, образовавшегося в конце XVIII – начале XIX в. на территории острога. Параметры сохранившейся ямы от столба-опоры южных ворот имеют явные соответствия с поперечным сечением погребальных колод из некрополя Умревинского острога. Наряду с этим наличие в погребальной колоде и столбе-опоре ворот достаточно обширной внутренней выдолбленной полости является еще одним признаком технологического сходства этих двух разновидностей деревянных изделий, представленных в различной степени сохранности на Умревинском остроге. Конструкции его южных ворот и погребальных колод сближает также полное отсутствие металлических деталей крепления (гвоздей, скоб) при достаточно большом их количестве на месте сооружения западного тына и помоста. Этот факт, скорее всего, свидетельствует о преимущественном использовании деревянных сочленений (шипов, шкворней, клиньев) при скреплении деталей погребальных колод и отдельных частей конструкции южных ворот Умревинского острога. Все это лишнее раз подчеркивает развитость традиционных способов деревообработки, представленных и сохранявшихся в контексте распространения русских острогов в Сибири.

Приведенные археологические данные позволяют констатировать, что при производстве археологических раскопок можно зафиксировать место расположения проездных ворот путем выявления разрыва тыновой канавки, установить ширину ворот, оценив ширину разрыва тыновой канавки, определить количество створок ворот, которое будет равняться количеству ям от столбов-опор, установить предельную толщину столба-опоры и глубину его установки, определить ширину створки ворот, которая обусловлена шириной разрыва тыновой канавки и количеством створок ворот.

До настоящего времени не сохранилось оригинальных проездных ворот сибирских острогов, их подробных описаний или изображений, поэтому мы вынуждены опираться на зафиксиро-

⁵ В письменных источниках нами обнаружены указания и на иные размеры проезжих ворот острогов. В Уртамском остроге в 1687 г. были сооружены «ворота створные, поперег трех сажень» [Из доклада..., 1978. С. 60]. Из этого описания не вполне ясно, что означает «поперег трех сажень», так как ширина ворот в 6,5 м представляется бессмысленной с практической точки зрения. В 1660-х гг. в Селенгинском остроге в центре западной стены острога находились проезжие «большие» ворота размерами приблизительно 9,4 м [Артемьев, 1999. С. 65; Минерт, 1988. С. 88]. Ворота с такими параметрами также представляются невозможными.

⁶ В отчете указаны размеры ямы $1,4 \times 1,4$ м, но это ошибка, так как на фотографии раскопа по геодезической рейке размеры ямы определяются как равные 1 м в диаметре [Ширин, 1997. Рис. 17].

⁷ Этот отчет опубликован в качестве приложения к электронной монографии [Голубев, Кимеев, 2017].

рованные ворота более поздних гражданских построек, конструкция которых не противоречит данным археологических исследований и письменных источников. В специализированной научной литературе нам удалось обнаружить лишь несколько таких примеров: ворота в дер. Подъеланка Иркутской области и других населенных пунктах Приангарья [Ополовников, Ополовникова, 2004. Рис. 597; 599; 600–602; 610], а также краткое обобщенное этнографическое описание ворот Тары, из которого следует, что столбы-опоры имели диаметр 0,6–0,8 м и высоту не менее 2,5 м, а ворота открывались в сторону улицы [Черная, Татауров, 2015. С. 132]. На основе этих изображений, описаний и материалов раскопок нами выполнены варианты реконструкции обобщенного образа проездных ворот тыновых и заплотных острогов в Сибири.

Ворота состояли из толстого столба-опоры диаметром 0,4–0,8 м, углубленного в грунт на 0,7 м. В столбе на уровне около 0,2 м от земли начиналась выемка, образованная удалением половины бревна верейного столба. Протяженность выемки около 2 м. Верхняя часть столба-опоры представлена целым бревном. В нижней ступеньке столба-опоры, образованной выемкой половины бревна, сделано круглое конусообразное углубление глубиной около 0,1–0,15 м и диаметром около 0,25 м. В это углубление устанавливался сведенный к конусу нижний торец поворотного бревна (верейного столба) диаметром около 0,2 м, на котором крепилось и вращалось полотно ворот. В верхней ступеньке также делался паз аналогичного диаметра глубиной 0,3–0,35 м. Но при этом предусматривалось асимметричное расширение паза перпендикулярно плоскости паза столба-опоры шириной около 0,25 м на всю его глубину. В это расширение заводился верхний конец поворотного столба, после чего нижний конец поворотного столба мог быть установлен в паз на нижней ступеньке столба-опоры.

Поворотный столб мог быть изготовлен как из ствола сосны, от которого отходила мощная ветка, служившая нижней горизонтальной реей для крепления досок полотна ворот, так и из обычного ствола без ветки. В первом случае из отдельного ствола дерева дополнительно изготавливалась только верхняя рея, которая крепилась к поворотному столбу через паз, выбранный в нем. Во втором случае все рейы изготавливались таким образом. Для придания жесткости конструкции полотна ворот рейы скреплялись в паз с вертикальным брусом на противоположном от поворотного столба конце. Дополнительную жесткость конструкции способно было придать крепление толстых досок полотна ворот к рейам способом «ласточкин хвост». Такой прием был хорошо известен плотникам XVII–XX вв., применявшим его при сооружении тына и полотен дверей в жилых и хозяйственных постройках [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 78, 79; Крадин, 1988. Рис. 207; Березиков, 2018. С. 441].

С другой стороны ворот размещался притворный столб, в котором тоже должен быть паз, аналогичный пазу в столбе-опоре. На нижнюю ступеньку, образованную пазом, устанавливался край полотна ворот в закрытом положении. Высота ворот не превышала одну сажень. Выше полотна ворот должно было размещаться горизонтальное бревно, которое предотвращало заваливание верейного столба по линии тына под весом полотна ворот. Скорее всего, оно крепилось в притворный столб и столб-опору способом «шип-паз». Ворота должны были открываться вовнутрь. В противном случае паз в верейном столбе был бы обращен в сторону поля. При этом ворота становятся чрезвычайно уязвимы, так как достаточно было бы перерубить относительно тонкий поворотный столб, чтобы ворота упали в сторону поля.

В нижней части полотна ворот могли быть устроены бойницы для стрельбы из положения лежа, как это было зафиксировано в Братском остроге [Щукин, 1844. С. 39]. Изнутри ворота имели специальный запор в виде длинного (около 3 м) бруса, который укладывался в специальные железные кованые скобы, закрепленные на тынинах по обе стороны от ворот и, возможно, на самих воротах. В письменных источниках можно встретить упоминания о применении замков на запорных механизмах проездных ворот. По описанию Селенгинского острога 1669 г., в восточной стене имелись калитка и ворота с замком [Артемьев, 1999. С. 65]. Н. А. Березиков вне связи с каким-либо острогом сообщал, что в XVII в. ворота укреплялись острожными замками [Березиков, 2014. С. 20]. Н. П. Крадин привел пример включе-

ния замков, засовов, крюков и пробоев в конструкцию малых ворот (вне башен?) [Крадин, 1988. С. 34].

Высота тына по меньшей мере в два раза превосходила высоту ворот. Следовательно, пространство над воротами должно было быть надежно закрыто на высоту, равную высоте тына. В гражданском и оборонном деревянном зодчестве широко применялся прием строительства оград в заплот. Известен прием возведения стен в виде вертикального заплота. На наш взгляд, оба приема одинаково эффективны. О том, что конструкция стены над воротами могла быть выполнена в виде вертикального заплота, говорит гравюра XIX в., на которой изображен читинский тюремный острог, над воротами которого устроена решетка из вертикальных столбов (рис. 5). Нельзя также исключать, что пространство над воротами было закрыто тынинами, которые соединялись с надворотным бревном способом «шип-паз», а между собой и с соседними полноценными тынинами – при помощи ласточкиного хвоста (рис. 6, 1).

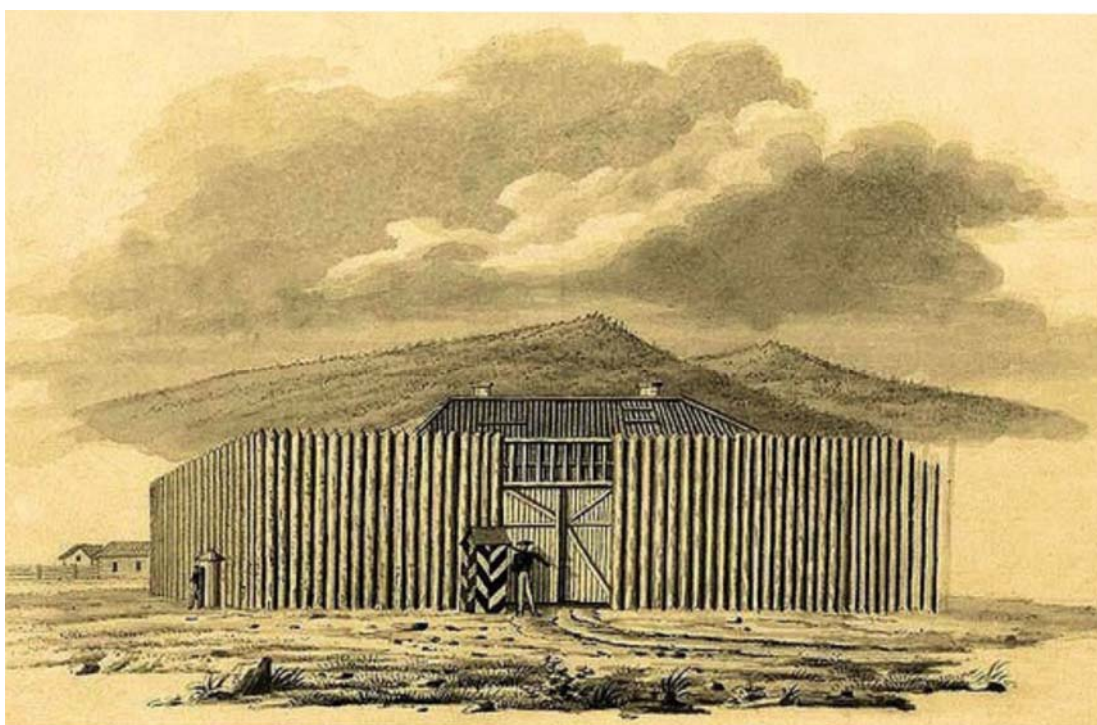

Рис. 5. Читинский острог-тюрьма в XIX в.

(карандашная копия неизвестного художника с акварели Н. А. Бестужева, 1829–1830 гг.; без масштаба)

Fig. 5. The Chita ostrog-prison in the 19th century

(pencil copy of an unknown artist from watercolor by N. A. Bestuzhev, 1829–1830; no scale)

В литературе встречается большое количество упоминаний о том, что над проездными воротами острогов устраивалась часовня. Такие надстройки существовали в 1730-х гг. в Удинском [История Сибири..., 1996. С. 63], в 1636 и 1653 гг. в Братском [Астраханцева, Дружинина, 2015. С. 135, 136; Майничева, Кулаков, 2015. С. 81; Резун, Васильевский, 1989. С. 114], Каштакском [Добжанский, Ермолаев, 2014. С. 173], в 1673 г. в Селенгинском [Кочадамов, 1978. С. 43; Евдокимова, 1993], в конце 1720-х гг. в Нижнеудинском острогах [Резун,

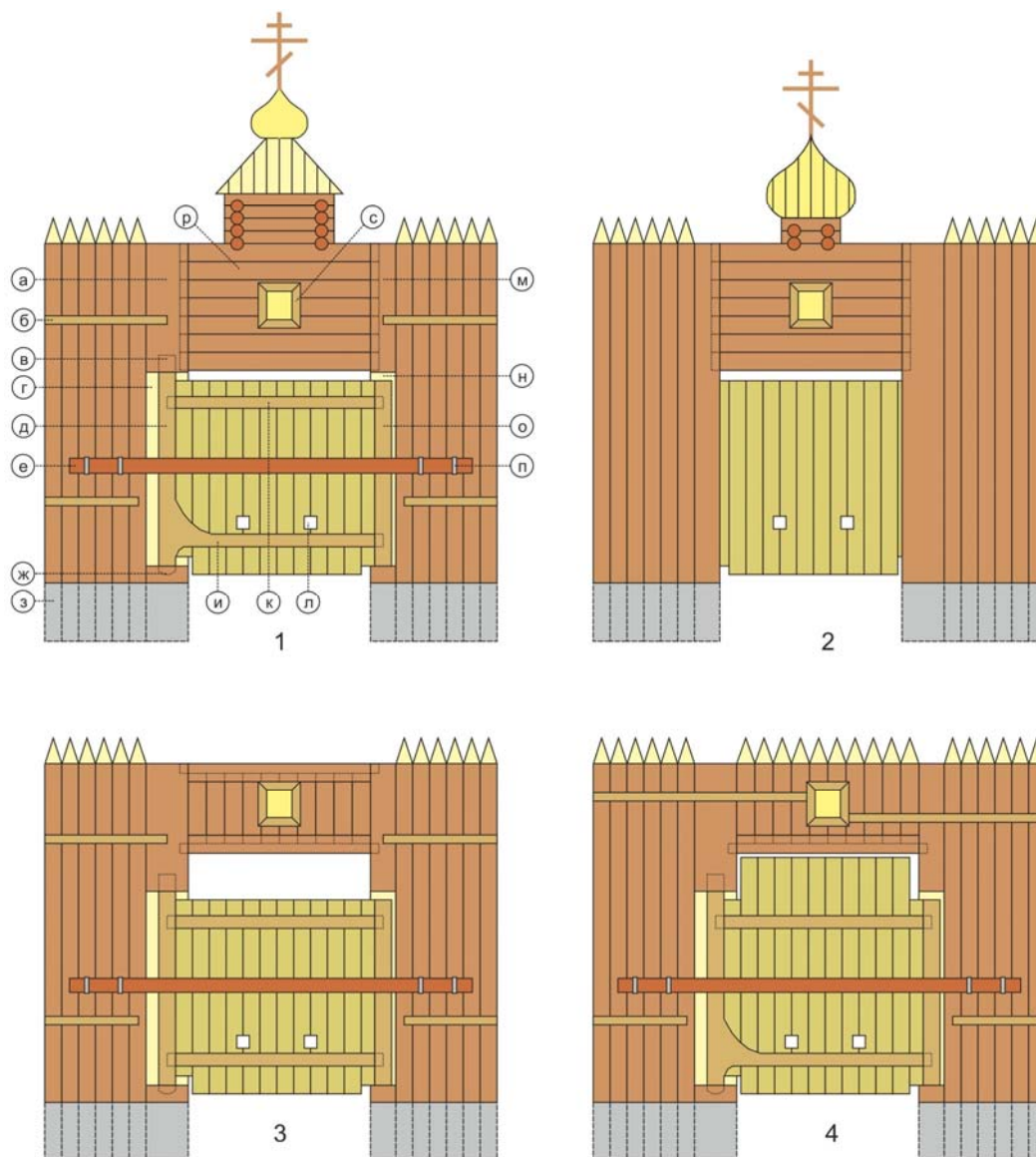

Рис. 6. Варианты реконструкции проездных ворот сибирских тыновых и заплотных острогов:

1 – вид ворот со двора острога с часовней-срубом и заплотом над полотном ворот: а – столб-опора; б – «ласточкин хвост»; в – поворотный столб («верейный столб»); г – паз в столбе-опоре; д – поворотный столб; е – засов; ж – нижний паз в столбе-опоре; з – подземная часть; и – ветка-отросток поворотного столба; к – рейя; л – бойница; м – притворный столб; н – паз в притворном столбе; о – брус для крепления рей; п – скобы-опоры засова; р – заплот; с – икона. 2 – вид ворот с напольной стороны с часовней-бочкой; 3 – вид ворот с «вертикальным» заплотом над полотном ворот; 4 – вид ворот с тыном над полотном ворот (без масштаба)

Fig. 6. Reconstruction options for driveway openings of the Siberian “tyn” and “zaplot” ostrogs:

1 – a view of the gates from the yard of the ostrog with a log-house chapel and a zaplot over the gates: а – a rod post; б – a “dovetail”; в – a rotating post; г – a bowl-shaped groove in the bottom part of the rod post; д – a groove in the rod post; е – a rotating post; ж – a wing boom; з – a latch; и – an underground part; к – a side branch of the rotating post; л – a loophole; м – a post with an adjacent leaf of the gates; н – a groove; о – a bar for attachment of wing booms; п – support brackets of the latch; р – a zaplot; с – an icon; 2 – a view of the gates from the enemy side with a barrel-shaped chapel. 3 – a view of the gates with a “vertical” zaplot over the gates; 4 – a view of the gates with a tyn over the gates (no scale)

Васильевский, 1989. С. 216]. Более подробное описание внешнего вида часовни сделано для Селенгинского острога в 1685 или 1686 г.: «... часовня с образом Михаила Архангела, в верхней части луковки которой на фасаде был “учрежден образ Господа Саваофа”» [Артемьев, 1999. С. 66, 67], «фронтон ее бочкообразной крыши украшал киот с цветным пятном иконы» [Носов, 2012; Минерт, 1988. С. 82; Резун, Васильевский, 1989. С. 231]. Были часовни и в виде сруба с пирамидальной крышей и луковкой, как это показано на рисунке Каштакского острога в Хорографической чертежной книге⁸ (рис. 6) [Добжанский, Ермолаев, 2014. С. 171. Рис. 1]. Над воротами вне зависимости от наличия часовни часто размещались иконы [Крадин, 1988. С. 25].

Заключение

Несмотря на небольшой объем источниковой базы оказалось возможным реконструировать обобщенный образ проездных ворот в тыновых и заплотных стенах сибирских острогов (см. рис. 6). В частности, удалось установить возможные варианты положения ворот в стене, их место в системе оборонительных сооружений, а также основные конструктивные параметры с допустимыми вариациями. Реконструкция же индивидуальных черт конкретных ворот может быть осуществлена только на основе дальнейшего интегрированного рассмотрения комплекса письменных, графических и археологических источников. В рамках обсуждения методики научной реконструкции сибирских острогов следует отметить, что наиболее результативным подходом является принцип комплексного поиска фактов в различных видах источников, касающихся отдельных конструктивных объектов острожных сооружений (стен, помостов, башен и ворот) с последующим их натурным восстановлением [Бородовский, Бородовская, 2018; Бородовский, Горохов, 2017]. В ходе многолетнего изучения и реконструкции (графической и натурной) Умревинского острога такая практика оказалась наиболее результативной и достоверной.

Список литературы

- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.
- Астраханцева В. В., Дружинина И. Е.** Остроги на территории Иркутской области в XVII веке // Изв. вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2015. № 2. С. 132–141.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.** Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 164 с.
- Березиков Н. А.** Образ сибирского острога в пространстве «новых земель» (по материалам донесений казаков XVII в.) // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2014. С. 19–26.
- Березиков Н. А.** Севернорусские архитектурно-строительные приемы в жилом строительстве Ангаро-Енисейского бассейна в XVII веке: функции и символика // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2018. Т. 13. С. 437–442. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033
- Бородовский А. П.** Отчет об археологических раскопках Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2015 г. Новосибирск, 2016. 157 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.** Проблемы макетирования русских острогов из окрестностей города Новосибирска // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2018. Т. 13. С. 384–393. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033

⁸ См. подклейку к листу 130.

- Бородовский А. П., Горохов С. В.** Музеефикация деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога // Баландинские чтения: Сб. ст. научных чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2017. С. 93–98.
- Бураева О. В.** Новое в истории Удинского зимовья / острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 1. С. 27–30.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазья: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Вилков О. Н.** Источники и литература об условиях возникновения г. Зашиверска и об архитектурных особенностях Спасо-Зашиверской церкви // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6–57.
- Голубев М. Е., Кимеев В. М.** Остроги Притомья в исторической ретроспективе: электронная монография. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2017.
- Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н.** Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестник КемГУ. 2014. Т. 2, № 3. С. 170–175.
- Добжанский В. Н., Ширин Ю. В.** Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 221–242.
- Евдокимова С. В.** Очерки истории городов Забайкалья. XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: [Б. и.], 1993. Ч. 1. 68 с.
- Жук А. В.** Исследование Ляпинской крепости А. Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 68–92.
- Из доклада в Сибирском приказе Томского сына боярского Юрия Соболевского о строительстве им Уртамского острога // Из истории земли Томской. 1604–1917. (Сборник документов и материалов). Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 60–61.
- Из истории земли томской. 1604–1917. (сборник документов и материалов). Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. 224 с.
- История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: [Б. и.], 1996. Вып. 6: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. 310 с.
- Кауфман А. О.** Артиллерия укрепленных пунктов Кузнецкого уезда в первой половине XVIII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006. Вып. 8. С. 38–45.
- Каштакский сереброплавильный промысел: Сб. док. и материалов. Кемерово: ИНТ, 2016. 192 с.
- Кимеев В. М.** Проблема реконструкции этноархеологического комплекса «Сосновский острог» // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. Ч. 1. С. 91–97.
- Кимеев В. М., Ширин Ю. В.** Сосновский казачий острог // Притомские калмаки: Историко-этнографические очерки. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. С. 35–55.
- Кочедамов В. И.** Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
- Крадин Н. П.** Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
- Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. 478 с.
- Ласковский Ф.** Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. С. Петербургъ: [Б. и.], 1858а. 322 с.
- Ласковский Ф.** Карты, планы и чертежи къ I части матеріяловъ для истории инженерного искусства в России. С. Перербургъ: [Б. и.], 1858б. 29 с.
- Майничева А. Ю., Кулаков А. Н.** Церковь Владимирской Богоматери в Братске: архитектурные особенности в этнокультурном контексте Сибири XVII–XVIII вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 80–85.

- Миллер Г. Ф.** Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С. 63–85.
- Минерт Л. К.** Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 80–107.
- Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 536 с.
- Носов К. С.** Сибирские «города», остроги и зимовья в XVII в.: терминология и строительные традиции // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Полиграфист, 2012. С. 148–157.
- Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А.** Древний Зашиверск: Древнерусский популярный город. М.: Наука, 1977. 211 с.
- Ополовников А. В., Крадин Н. П.** Деревянные крепостные сооружения Якутии // Архитектурное наследие. Вып. 30. Малоизученные вопросы зодчества народов СССР. М.: Стройиздат, 1982. С. 85–93.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А.** Земля Иркутская, деревянная... М.: ОПОЛО, 2004. 536 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С.** Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Самигулов Г. Х.** От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск: Полиграфическое объединение «Книга», 2011. 344 с.
- Скобелев С. Г.** Основные особенности планировки русских острогов Средней Сибири по описаниям Г. Ф. Миллера // Вестник ТГУ. История. 2018. Т. 54. С. 53–58. DOI 10.17223/19988613/54/8
- Султанов Н. В.** Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской археологической комиссии. С.-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1907. Т. 24. С. 1–176.
- Черная М. П., Татауров С. Ф.** Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // Вестник ТГУ. 2015. № 6. С. 100–107.
- Чернецов В. Н.** О работах Мангазейской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 21. С. 159–162.
- Ширин Ю. В.** Отчет о научно-исследовательской работе Кузбасской археолого-этнографической экспедиции в 1997 г. «Раскопки Сосновского, Мунгатского и Верхотомского казачьих острогов в Кемеровской области». Кемерово, 1997. 71 с.
- Щукин Н.** Поездка в Якутск. С.-Петербург: В Типографии Департамента Военных Поселений, 1844.
- Якутия в XVII веке (очерки). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 442 с.

References

- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII–XVIII vv. [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th Centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Astrakhantseva V. V., Druzhinina I. E.** Ostrogi na territorii Irkutskoi oblasti v XVII veke [Ostrog on the Territory of the Irkutsk region in the 17th Century]. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'* [News of Universities. Investments. Building. The property], 2015, no. 2, p. 132–141. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkovi V. F.** Mangazeya. Mangazeiskii morskoi khod [Mangazeya. Mangazeya Sea Course]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1980, 164 p. (in Russ.)
- Berezikov N. A.** Severnorusskie arkhitekturno-stroitel'nye priemy v zhilom stroitel'stve Angarо-Eniseiskogo basseina v XVII veke: funktsii i simvolika [North Russian Architectural and Con-

- struction Techniques in Residential Construction of the Angaro-Yenisei Basin in the 17th Century: Functions and Symbolism]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, NSUADA Publ., 2018, vol. 13, p. 437–442. (in Russ.) DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033
- Berezikov N. A.** Obraz sibirskogo ostroga v prostranstve «novykh zemlits» (po materialam done-senii kazakov XVII v.) [The Image of a Siberian Ostrog on the Territory of “New Lands” (based on the reports of the Cossacks of the 17th century)]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, NSUADA Publ., 2014, p. 19–26. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L.** Problemy maketirovaniya russkikh ostrogov iz okrestno-stei goroda Novosibirska [On Prototyping of Russian Ostrogs in the Vicinity of the City of No-vosibirsk]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Novosibirsk, NSUADA 2018, vol. 13, p. 384–393. (in Russ.) DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.** Muzeefikatsiya derevyannykh oboronitel'nykh sooruzhenii Umrevinskogo ostroga [Museumification of Wooden Defensive Installations of Umrevinsky Ostrog]. In: Balandinskie chteniya [Balandin Readings]. Collection of Articles of Scientific Readings in Memory of S. N. Balandin. Novosibirsk, NSUADA Publ., 2017, p. 93–98. (in Russ.)
- Borodovsky A. P.** Otchet o arkhelogicheskikh raskopkakh Umrevinskogo ostroga v Moshkovskom raione Novosibirskoi oblasti v 2015 g. [Report on the Archaeological Excavations of the Umrevinsky Ostrog in the Moshkovsky District of the Novosibirsk Region in 2015]. Novosi-birsk, 2016, 157 p. (in Russ.)
- Buraeva O. V.** Novoe v istorii Udinskogo zimov'ya / ostroga [New in the History of the Udi Zimovie/Ostrog]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 1: Archaeology and Ethnography, p. 27–30. (in Russ.)
- Chernaya M. P., Tataurov S. F.** Ograzhdeniya v bytovom kontekste gorodskoi usad'by (po ma-terialam Tomsk i Tary) [Fences in the Domestic Context of Urban Estates (based on materials of Tomsk and Tara)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2015, no. 6, p. 100–107. (in Russ.)
- Chernetsov V. N.** O rabotakh Mangazeiskoi ekspeditsii [On the Works of the Mangazeya Expedi-tion]. In: Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii mate-rial'noi kul'tury [Brief Reports on Notes and Field Studies of the Institute for the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947, vol. 21, p. 159–162. (in Russ.)
- Dobzhansky V. N., Ermolaev A. N.** Risunok Kashtakskogo ostroga i rudnika iz «Khorografiche-skoi chertezhnoi knigi» S. U. Remezova [A Drawing of the Kashtak Ostrog and Mine from the “Horograph Drawing Book” by S. U. Remezov]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2014, vol. 2, no. 3, p. 170–175. (in Russ.)
- Dobzhansky V. N., Shirin Yu. V.** Kuznetskii ostrog 1618 i 1620 gg. [Kuznetsky Ostrog in 1618 and 1620]. In: Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ya [Aboriginal and Russian Old-timers in the Tom River Area]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2002, p. 221–242. (in Russ.)
- Evdokimova S. V.** Ocherki istorii gorodov Zabaikal'ya. XVII–XVIII vv. [Essays on the History of Transbaikalia Cities. 17th–18th Centuries]. Ulan-Ude, 1993, vol. 1, 68 p. (in Russ.)
- Golubev M. E., Kimeev V. M.** Ostrogi Pritom'ya v istoricheskoi retrospektive [Ostrogi of the Tom River Area in Historical Retrospect]. Electronic monograph. Kemerovo, Kemerovo State Uni-versity Publ., 2017. (in Russ.)
- Istoriya Sibiri. Pervoistochniki [History of Siberia. Primary Sources]. Novosibirsk, 1996, iss. 6: Si-beria of the 18th Century in the Travel Descriptions by G. F. Miller, 310 p. (in Russ.)
- Iz doklada v Sibirskom prikaze Tomskogo syna boyarskogo Yuriya Sobolevskogo o stroitel'stve im Urtamskogo ostroga [From the Report in the Siberian Order of a Tomsk Boyar Son Yuri Sobolevsky about His Construction of the Urtamsky Ostrog]. In: Iz istorii zemli Tomskoi. 1604–1917. (Sbornik dokumentov i materialov) [From the History of the Tomsk Land. 1604–1917. (Collection of Documents and Materials)]. Tomsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, iss. 1, p. 60–61. (in Russ.)

- Iz istorii zemli tomskoi. 1604–1917. (Sbornik dokumentov i materialov) [From the History of the Tomsk Land. 1604–1917. (Collection of Documents and Materials)]. Tomsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, iss. 1, 224 p. (in Russ.)
- Kashtakskii serebroplavil'nyi promysel [Kashtak Silver-smelting Industry]. Collection of Documents and Materials. Kemerovo, INT Publ., 2016, 192 p. (in Russ.)
- Kaufman A. O.** Artilleriya ukreplennykh punktov Kuznetskogo uezda v pervoi polovine XVIII v. [Artillery at Fortified Sites of the Kuznetsk district in the First Half of the 18th Century]. In: Kuznetskaya starina [Kuznetsk Antiquities]. Novokuznetsk, «Kuznetskaya krepost'» Publ., 2006, iss. 8, p. 38–45. (in Russ.)
- Kimeev V. M.** Problema rekonstruktsii etnoarkheologicheskogo kompleksa «Sosnovskii ostrog» [On Reconstruction of the Ethno-archaeological Complex “Sosnovsky Ostrog”]. In: Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk, Omsk State Uni. Publ., 1998, part 1, p. 91–97. (in Russ.)
- Kimeev V. M., Shirin Yu. V.** Sosnovskii kazachii ostrog [Sosnovsky Cossack Ostrog]. In: Pritomskie kalmaki: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Kalmaks of the Tom River Area: Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1998, p. 35–55. (in Russ.)
- Kochedamov V. I.** Pervye russkie goroda Sibiri [First Russian Towns in Siberia]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1978, 190 p. (in Russ.)
- Kradin N. P.** Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian Wooden Defense Architecture]. Moscow, Isrusstvo Publ., 1988, 142 p. (in Russ.)
- Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii [Kuznetsk Antiquities. Novokuznetsk: 400 years in the History of Russia]. Tomsk, Novokuznetsk, Tomsk State Uni. Publ., 2018, 478 p. (in Russ.)
- Laskovsky F.** Karty, plany i chertezhi k” I chasti materiyalov” dlya istorii inzhenernago iskusstva v” Rossii [Maps, Plans and Drawings of the First Part of the Materials for the History of Engineering Art in Russia]. St. Perersburg, 1858, 29 p. (in Russ.)
- Laskovsky F.** Materialy dlya istorii inzhenernago iskusstva v” Rossii. Chast' 1. Opyt izsledovaiya inzhenernago dela v” Rossii do XVIII stoletiya [Materials for the History of Engineering Art in Russia. Part 1. Experience of Engineering Research in Russia before the 18th Century]. St. Petersburg, 1858, 322 p. (in Russ.)
- Majnicheva A. Yu., Kulakov A. N.** Tserkov' Vladimirskoi Bogomateri v Bratske: arkhitekturnye osobennosti v etnokul'turnom kontekste Sibiri XVII–XVIII vv. [Church of the Virgin of Vladimir in Bratsk: Architectural Features in the Ethno-cultural Context of Siberia in the 17th – 18th Centuries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2015, vol. 22, no. 2, p. 80–85. (in Russ.)
- Miller G. F.** Opisanie Kuznetskogo uezda Tobol'skoi Provintsii v Sibiri v nyneshnem ego sostoyanii, v sentyabre 1734 g. [Description of the Kuznetsk Uezd of the Tobolsk Province in Siberia in its Current State, in September 1734]. In: Kuznetskaya starina [Kuznetsk Antiquity]. Novokuznetsk, Kuzneczkaya krepost' Publ., 2003, iss. 5, p. 63–85. (in Russ.)
- Minert L. K.** Pamyatniki nachal'nogo etapa gradostroitel'stva v Buryatii [Monuments of the Initial Stage of Town Planning in Buryatia]. In: Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri [Monuments of History, Archaeology and Architecture of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1988, p. 80–107. (in Russ.)
- Nosov K. S.** Sibirskie «goroda», ostrogi i zimov'ya v XVII v.: terminologiya i stroitel'nye traditsii [Siberian “Cities”, Ostrogs and Zimov'e in the 17th Century: Terminology and Building Traditions]. In: Iz kuznetskoi stariny [From the Kuznetsk Antiquities]. Novokuznetsk, Poligrafist Publ., 2012, p. 148–157. (in Russ.)
- Novoe v arkheologii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniya [News in the Archaeology of Staraya Ladoga: materials and research]. St. Petersburg, Nevskaya Knizhnaya Tipografiya Publ., 2018, 536 p. (in Russ.)

- Okladnikov A. P., Gogolev Z. V., Ashhepkov E. A.** Drevnii Zashiversk: Drevnerusskii zapolyarnyi gorod [Ancient Zashiversk: an Old Russian Polar Town]. Moscow, Nauka, 1977, 211 p. (in Russ.)
- Opolovnikov A. V., Kradin N. P.** Derevyannye krepostnye sooruzheniya Yakutii [Wooden Fortifications of Yakutia]. In: Arkhitekturnoe nasledstvo. Vyp. 30. Maloizuchennye voprosy zodchestva narodov SSSR [Architectural Heritage. Iss. 30. Little-studied Issues of the Architecture of the Peoples in the USSR], Moscow, Stroiizdat Publ., 1982, p. 85–93. (in Russ.)
- Opolovnikov A. V., Opolovnikova E. A.** Zemlya Irkutskaya, derevyannaya... [Irkutsk Wooden World]. Moscow, OPOLO Publ., 2004, 536 p. (in Russ.)
- Rezun D. Ya., Vasilievsky R. S.** Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of Siberian Towns]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1989, 304 p. (in Russ.)
- Samigulov G. H.** Ot Dalmatova monastyrya do Chebarkul'skoi kreposti [From Dalmatov Monastery to Chebarkul Fortress]. Chelyabinsk, Kniga Publ., 2011, 344 p. (in Russ.)
- Shhukin N.** Poezdka v Yakutsk [A trip to Yakutsk]. St. Petersburg, V Tipografii Departamenta Voennykh Poselenii Publ., 1844. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote Kuzbasskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 1997 g. «Raskopki Sosnovskogo, Mungatskogo i Verkhotomskogo kazach'ikh ostrogov v Kemerovskoi oblasti» [Report on Research Work of the Kuzbass Archeological and Ethnographic Expedition in 1997 “Excavations of the Sosnovsky, Mungatsky and Verkhotomsky Cossack Ostrogs in the Kemerovo Region”]. Kemerovo, 1997, 71 p. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Osnovnye osobennosti planirovki russkikh ostrogov Srednei Sibiri po opisaniyam G. F. Millera [Main Features of Planning of the Russian Ostrogs in Central Siberia according to Descriptions by G. F. Miller]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, vol. 54, p. 53–58. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/54/8
- Sultanov N. V.** Ostatki Yakutskago ostroga i nekotorye drugie pamyatniki derevyannago zodchestva v Sibiri [Remains of the Yakutsk Ostrog and Some Other Monuments of Wooden Architecture in Siberia]. In: Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii [News of the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnago Upravleniya Udelov Publ., 1907, p. 1–176. (in Russ.)
- Vilkov O. N.** Istochniki i literatura ob usloviyakh vozniknoveniya g. Zashiverska i ob arkhitekturnykh osobennostyakh Spaso-Zashiverskoi tserkvi [Sources and Literature on the Conditions of the City of Zashiversk and Architectural Features of the Church of Zashiverskoy]. In: Istochnikovedenie i istoriografiya gorodov Sibiri kontsa XVI – pervoi poloviny XIX v. [Source Study and Historiography of Siberian Cities of the End of the 16th – First Half of the 19th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 6–57. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parximovich S. G.** Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)
- Yakutiya v XVII veke (ocherki) [Yakutia in the 18th Century (essays)]. Yakutsk, Yakutsk book Publ., 1953, 442 p. (in Russ.)
- Zhuk A. V.** Issledovanie Lyapinskoi kreposti A. F. Palashenkovym [Research on Lyapinskoy Fortress by A. F. Palashenkov]. In: Arkheologiya Sibiri: istoriografiya [Archaeology of Siberia: Historiography]. Omsk, Omsk State University Publ., 1995, p. 68–92. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
11.03.2019

Сведения об авторах

Горохов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
gorokhov.sv@gmail.com
ORCID 0000-0002-8100-5924

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ИАЭТ СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

Information about the Authors

Sergej V. Gorokhov, PhD, junior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB
RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
gorokhov.sv@gmail.com
ORCID 0000-0002-8100-5924

Andrei P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Ar-
chaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024